

ДИКАЯ ВЕДЬМА

Читайте в серии:

ИСПЫТАНИЕ ОГНЁМ

ПОСЛАНИЕ СОКОЛА

МЕСТЬ КИМЕРЫ

МАГИЯ КРОВИ

ВЗГЛЯД ВОРОНА

ОБЕЩАНИЕ ВЕДЬМЫ

ДИКАЯ ВЕДЬМА

МАГИЯ КРОВИ

ЛИНЕ
КОБЕРБЁЛЬ

#эксмодетство

Москва
2019

УДК 821.113.4-312.9-053.6
ББК 84(4Дан)-44
К55

Blodsungen

© Lene Kaaberbøl, Copenhagen 2012

Published by agreement with Lars Ringhof Agency ApS,
Copenhagen

Кобербёль, Лине.

К55 Магия крови / Лине Кобербёль ; [пер. с дат. Е. Гуровой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 192 с. — (Дикая ведьма).

ISBN 978-5-699-98704-7

Клара так ждала свой день рождения! Так хотела отпраздновать его вместе с родителями и друзьями! И всё вроде бы получилось: гости, подарки, поздравления... Но если ты дикая ведьма, в жилах которой течёт древняя и могущественная кровь, ты не можешь вести себя как обыкновенная, тихая, не слишком уверенная в себе девочка. Не можешь проявлять невнимательность, несообразительность или нерешительность. Ну, то есть можешь... но последствия тебе не понравятся. Ведь быть дикой ведьмой — значит не только обладать необычными способностями, но и нести совсем не детскую ответственность.

Четвёртая книга серии «Дикая ведьма».

УДК 821.113.4-312.9-053.6
ББК 84(4Дан)-44

© Гурова Е., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-699-98704-7

Жизнь тринадцатилетней девчонки

Она ждала четыреста лет. Целых четыреста лет смотрела вверх сквозь прозрачную массу расплавленного камня. Четыреста лет он держал в заточении её тело, душу, всё существо. Её враги наверняка думали, что камень стал её могилой, но она продолжала жить. Даже здесь можно было добыть пропитание — порой сюда забредали живые существа, и она хватала их без сожаления, ведь от жалости и сострадания она давно избавилась. Ярость — вот что поддерживало в ней силы.

Ведь она всё чувствовала. Знала, что происходит там, наверху, и её дикое чувство вопило, извиваясь от боли.

Что они о себе возомнили — эти мелкие жадные людишки со своими дорогами, домами... и как там они называются?.. Проводами. Кабелями. Дренажными трубами. Мостами. Автострадами. Железнодорожными рельсами. Они наносили дикому миру глубокие кровоточащие раны, разрывали на части хрупкую сеть диких троп, они всё вокруг разрушали и истребляли. Вдоль магистралей стоял смрад смерти от

тел раздавленных животных. Леса и болота исчезали. Там, где тысячелетиями жила, дышала и властвовала дикая сила, стало пусто и тихо, там слышались лишь грохот и шум их мёртвых механизмов. Железо. Железо повсюду! Скоро всё кончится — скоро даже самой могущественной дикой ведьме не удастся исцелить разорванные узы.

Но пока... пока это ещё возможно, только бы вырваться отсюда!

Жила она не только яростью. Она ощущала... нет, нетерпение — слишком слабое слово. Им нельзя описать тот огонь, который обжигал, разведая её изнутри: дорогá была каждая секунда, каждый час, а она так и не приблизилась к цели. Но ждать нельзя! Времени уже не осталось. Не было времени, чтобы всё обдумать, учесть, взвесить все «за» и «против», чтобы беспокоиться о чём-то, кроме одного: отобрать власть у глупых и жадных, уничтожить их смертельную сеть и даровать дикому миру СВОБОДУ.

Для этого потребуется всё. Всё, что у неё есть, всё, до чего она может дотянуться, заманить или добыть угрозами. Она алчно взвешивала свои силы — и приходила в отчаяние. Тяжесть камней, медленная зелёная мощь растений, нежность воздуха, мягкое могущество воды, тёплая, глубокая жизнь земли... всего этого недостаточно. Ей нужна кровь. Ничто иное не сможет выиграть эту почти проигранную битву. Ничто другое не имеет значения — а меньше всего... при мысли об этом в ней ещё сильнее вспыхнула ярость... а меньше всего — жизнь глупой тринадцатилетней девчонки, возникшая по недоразумению.

Кровь может распахнуть двери тюрьмы. Кровь может обеспечить ей победу.

И это случилось. Упала капля. И ещё одна. И ещё, а потом и четвёртая...

— Ещё! — беззвучно прокричала она. — Дай ещё одну каплю!

Ей показалось, что капля, помедлив, зависла в воздухе. Словно боролась с силой тяжести и не хотела падать. Но всё-таки упала. Упала! И попала в цель.

ДААААаааааааааааааааааааааааааааа!..

Она торжествующе, но всё ещё беззвучно закричала. Губы застыли, она по-прежнему находилась в заточении, словно насекомое, на которое тысячу лет назад попала капля смолы и оно оказалось внутри кусочка янтаря. Но осталось недолго. Она до предела напрягла свои силы, призвав на помощь всю дикую мощь, которая только у нее была. Ну давай же. Давай. Давай!

Каменные массы лопнули. Вокруг побежали трещины. Издав громкий рёв, исполненный дикой силы, она выпрямила тело, которое было согнуто в течение четырёхсот лет, и разнесла свою темницу вдребезги. Застывшие камни вскипели, взметнулись вверх, взорвались; обжигающие капли, напоминающие жидкое стекло, разлетелись во все стороны, касаясь стен грота шипящими каскадами.

Жадные мелкие людишки понятия не имеют, что их ждёт. Они ведь вряд ли слышали о Бравите Кровавой. Но теперь узнают её...

Я села так резко, что ударила голову о лампу над кроватью. Сердце подпрыгнуло и рванулось с места, словно бегущий через барьеры легкоатлет, который оказался позади группы лидеров — стук-стук-ПРЫГ, стук-стук-ПРЫГ, — я в панике оглядывалась по сторонам, будто ждала, что Бравита Кровавая стоит возле кровати, протягивая ко мне свои

когти и сверкая глазами, в которых горит жажда убийства. Но её рядом не оказалось. Вокруг было тихо и темно, только сквозь круглое слуховое окошко падала полоска лунного света. На матрасе рядом с кроватью лежал мой лучший друг Оскар и так безмятежно спал, что над его головой практически виднелось облачко из комиксов со звуком «Хрррр». Во всяком случае, кошмары ему явно не снились.

«Успокойся, — уговаривала я своё прыгающее сердце, — ничего ведь не происходит...»

Но я ещё долго продолжала хватать ртом воздух и ещё дольше не могла избавиться от ощущения, что сердце вот-вот выскочит из груди. Мои сны казались реальными и раньше. И хотя между грудями книг о птицах и требующих починки птичьих домиков меня не подстерегала древняя дикая ведьма, это не означало — по крайней мере, так считало моё сердце, — что всё спокойно и опасности нет.

Но даже если в этом сне и была доля правды — хотя вряд ли, к счастью, большинство моих снов оказывались просто белибердой, — Бравита охотится вовсе не за моей жизнью. Она говорила о какой-то бедной тринадцатилетней девочке, а мне ведь только...

Вдруг ход моих мыслей прервался. Я взглянула на старинный будильник, тикающий на ночном столике.

Обе светящиеся фосфорно-зелёные стрелки указывали почти точно вверх. На часах было пять минут первого, наступил последний день марта.

Сегодня мне исполнится тринадцать.

Шипение во тьме

Уснуть не получалось — я просто скользила по поверхности сна, но не могла или не решалась в него погрузиться. Каждый раз, когда я уже почти засыпала, моё сердце начинало этот бег с барьерами, и все попытки его успокоить ни к чему не привели.

«Хватит уже. Это был просто сон», — говорила я самой себе.

Стук-стук-ПРЫГ. Стук-стук-ПРЫГ.

Ведь её здесь нет. Её тут никогда не было. Последний раз её видели четыреста лет назад, и представлять себе, что она вернулась лишь для того, чтобы испортить *твоё* тринадцатилетие, как-то уж слишком...

Стук-стук-ПРЫГ. Стук-стук-ПРЫГ.

Ненормальное сердце.

В конце концов я встала. Свет зажигать не стала — зачем будить Оскара? Осторожно перешагнула через одеяло, закрывающее его ноги — ну

почти закрывающее: из-под полосатого пододеяльника торчали не совсем чистые пальцы. Как глупо, что мне приснился кошмар именно сегодня ночью, ведь всё шло так хорошо! Мы были у тёти Исы: я, Оскар, мама и папа (что само по себе чудо). Завтра придёт Какхла со *своим* папой и фру Померанец — дикая ведьма, соседка моей тёти, которая очень помогла мне несколько недель назад, когда всё шло прямо-таки ужасно. Шаная прислала весточку со своим новым диким другом, соколом Китти, сообщив, что присоединится к нам. Никто тоже была здесь, Кот в данный момент отправился на поиски своих кошачьих приключений, но обещал вернуться к завтраку, а Тупик наверняка спал внизу, в гостиной, похрапывая на собачий манер. Мне разрешили устроить такой день рождения, какой мне хотелось, пригласить тех людей и животных, которых я и правда рада была видеть. Я так этого ждала! Это же просто глупо — глупо! — психовать из-за какого-то дурацкого сна.

Я натянула старые шерстяные носки, служившие мне в доме у тёти Исы домашними тапочками. Тётя подшила к ним войлочную подошву, так что холод от пола не проникал внутрь. В футболке-ночнушке, с голыми ногами, обутыми в шерстяные носки-тапочки, я тихо прокралась вниз по лестнице в кухню. Часы над столом уже показывали без пятнадцати четыре.

Я открыла шкаф, где стояли разные травяные чаи — тётин запас. Многие из них мы пили просто

потому, что они были вкусными, но некоторые обладали особыми свойствами. Возможно, они смогут даже успокоить сердце-бегуна. Я пока ещё не совсем разобралась во всех тётиных травяных средствах, но что-то всё же запомнила. Если только удастся найти нужное... Я рассматривала вычурные этикетки на металлических и стеклянных банках, и тут мой взгляд упал на то, что я искала.

Ромашка и валерьяна.

Я зажгла плиту и поставила чайник. Тётя Иса часто пользовалась дровяной печью в гостиной, но мне больше нравилось, когда можно было нажать на кнопку. Синие и оранжевые языки пламени газовой горелки лизали дно чайника, и вскоре вода в нём начала шипеть. Я сняла чайную кружку с крючка возле окна и уже почти отвернулась, как вдруг заметила какое-то движение.

Там, в темноте. Короткая вспышка сверкающих глаз с вертикальными зрачками.

— Кот? — тихо прошептала я.

Но это был не Кот, я поняла это сразу, как только позвала его. Из-за окна доносилось приглушённое певучее шипение, похожее на звук, который издают два дворовых кота, задирающих друг друга, только звук этот был каким-то более... объёмным.

Я тихо стояла, прислушиваясь. Вода уже закипела, но ромашковый чай подождёт. Может, какому-нибудь дикому коту нужна помощь?

Я вглядывалась в темноту, но теперь ничего, кроме своего отражения, не видела. Промелькнувшие

золотистые глаза исчезли, но странное шипение всё ещё слышалось. Зверь — кем бы он ни был — по-прежнему был там.

Если открыть окно, станет лучше видно и слышно. Сняв крючки, я подняла раму вверх, и на меня повеяло прохладой ночного весеннего воздуха, пропитанного ароматом дождя. Я наклонилась над кухонным столом, пытаюсь разглядеть что-нибудь во тьме.

В ту же секунду на меня надвинулась серо-коричневая тень, бесшумно парящая в воздухе: жёлтый клюв, вытянутые светло-коричневые лапы и сероватые когти. Я едва успела поднять руку, чтобы большой филин мог на неё приземлиться.

— Ту-Ту!

Склонив голову набок, дикий друг тёти Исы уставился на меня. Я не знала, нравится ли ему то, что он видит. Раньше он никогда ко мне не подлетал, только несколько раз тётя Иса просила меня его подержать (а его — чтобы разрешил себя подержать), поэтому я редко видела его так близко. Он был огромен — со временем я поняла, что он не просто «какая-то сова», а настоящий филин. Это означало, что он редкая и охраняемая птица — думаю, сам Ту-Ту об этом не догадывался, — и хотя я не испытывала перед ним явного страха, всё равно ощущала здоровое уважение к его когтям, клюву и размаху мощных крыльев. От него пахло дождём, мокрыми перьями и кровью: сегодня ночью он наверняка лишил жизни какую-нибудь бедную мышку — теми же мощными когтями, которыми теперь

обхватывал моё запястье. Он осторожно повернулся, чтобы не ранить меня, и тихо заухал во тьму, откуда только что прилетел.

Кошачий звук прекратился. Я услышала, как что-то шебаршится в кустарнике возле яблонь, а потом наступила тишина. И это казалось не более странным, чем всё остальное, с чем я сталкивалась в доме тёти Исы.

За исключением одной вещи.

Я всё поняла. Я чувствовала кошачье нетерпение, напоминающее раздражающий нервы скрип ногтей по школьной доске. Я слышала предупреждение Ту-Ту так отчётливо, словно кто-то прокричал его в громкоговоритель:

«Уходи! Слишком рано. Ещё не время».

— Клара, тыпустила Ту-Ту?

Я осторожно повернулась, чтобы филин не потерял равновесия.

— Кажется... — ответила я.

Тётя Иса стояла в дверях в своём старом поношенном халате, который, видимо, когда-то был красным, но теперь стал розоватым.

— Наверное, ему сложно перестроиться, — сказала тётя. — Обычно я не закрываю окно в спальне, но...

Но сегодня ночью это не очень удачная идея, ведь в спальне спят мама с папой, а тётя Иса заняла диван в гостиной.

— ...твоей маме вряд ли понравится, если её разбудит мокрый филин.

Ту-Ту отряхнул крылья, окатив нас душем из дождевых капель, похожих на жемчужины. Я не удержалась и фыркнула:

— Да, вряд ли.

— Но что с тобой, Клара? Не можешь заснуть?

Я покачала головой:

— Мне приснился странный сон. Наверное, даже кошмар.

Тётя Иса подняла брови:

— О животном?

— Да нет. По-моему, там не было никакого животного. А почему ты спрашиваешь?

— Тебе ведь завтра исполняется тринадцать, — сказала она. — Или... уже сегодня. Это особый день рождения для дикой ведьмы, и иногда... — она помедлила, словно подыскивая слова, — ...иногда во-круг происходят необычные вещи с участием зверей, во снах тоже. Но в твоём сне, значит, животных не было?

— Нет. Там была... Мне кажется, я видела... Нет, уже на помню!

Пока мы стояли, разговаривая, сон постепенно поблёк. Детали исчезли. Кто-то был очень рассержен... кто-то находился в заточении... кто-то говорил что-то о крови... Я ничего не хотела скрывать — просто в тот момент не смогла толком вспомнить хоть что-нибудь. Сердце, успокоившись, билось как обычно, и я подавила зевок.

— Похоже, это тебе не понадобится, — тётя Иса поглядела на банки с ромашкой и валерьяной.

— Похоже на то, — кивнула я. — Наверное, я просто пойду наверх и лягу.

Я немного вытянула руку вперёд, и Ту-Ту, осторожно взлетев, приземлился на своё обычное место на плече тёти Исы.

— Тогда спокойной ночи, — сказала она, слегка улыбаясь. И посмотрела на часы. — Формально, наверное, твой день рождения уже наступил, но я всё же подожду и поздравлю тебя, когда ты проснёшься.

День рождения. Почему эти слова вызывали во мне больше беспокойства, чем радости? Ту-Ту посмотрел на меня золотисто-оранжевыми глазами и принялся чистить клюв о перья на груди.

«Ещё не время».

Что это значит? Это сказал Ту-Ту? Он говорит со мной так же ясно и чётко, как Кот? Или мне просто кажется, потому что я не выспалась?

Я поставила банки с чаем обратно в шкаф и поднялась в свою комнату. Осторожно перешагнула через Оскара, который по-прежнему был потерян для мира, и проскользнула в кровать под тёплое одеяло. Через пять минут я уже спала.

